

Это была цивилизация, хронически отстающая в развитии по всем ключевым жизненно-важным направлениям. И всё из-за бесконечно большого: от завуалированного и скрытого, до рьяно открытого культа насилия, на котором строилось всё. Абсолютно всё. Ментальности общества было присуще неоспоримое мнение о неизменной кратковременности бытия, о том, что оно однозначно бессмысленно и беспощадно, а потому, человеку ничего не остаётся, как ответить ему той же монетой, вследствие чего, блеснуть теми или иными героическими, ну или хотя бы феерическими проявлениями, таким образом, не бесследно сгинув навек.

С приходом беды, накрывай столы! Пировать станем, помирать будем!

Самыми популярными считались праздники всеобщих бед, причём, конечно же, наиболее масштабных, смертоносных и кровопролитных. Как и, конечно же, в ряду официально почитаемых дат не было ни одной, которая прославляла бы путь построения единственно правильной основы любой цивилизации - идею построения постоянно прогрессирующего всеобщего благополучия. О таком никто не пытался всерьёз даже говорить, ибо это полностью противоречило почитаемым повсюду стремлениям умереть не за зря, а наиболее примечательно и замечательно, так чтобы об этом потом зачем-то помнили бесконечно глупые, столь же утопично мыслящие и живущие потомки.

Не стоит и говорить, что построенные на всём этом социальные отношения повсеместно кипели и бурлили постоянными, непрекращающимися склоками и раздорами, в которых каждый видел путь собственного, уходящего в вечность возвышения на всеи

остальными. Над массой серости и убогости, состоящей из не столь успешных в развитии и насаждении личного героизма индивидуумов. Из-за чего, ситуация неуклонно, периодически доходила до не просто, как обычно, серьёзного, а до критически серьёзнейшего отрицания уважения к полезной деятельности. Работать никто не хотел. Люди то и дело старались переложить трудовую занятость на плечи других, дабы увязание в ней не омрачило тщательно выстраиваемые ими их личные образы практически божественных существ, кои настолько идеальны и безупречны, что им всё должно доставаться не только задаром, но ещё и с низким поклоном.

Понимая столь печальное, неотвратимо накрывающее планету положение дел, её руководство не видело другого выхода, кроме как по истечении определённых промежутков времени, на опережение активизировать режимы откровенно активных и масштабных гладиаторских сливов. Всё равно электорат ничего другого не хотел. Стараясь во чтобы то ни стало, или просто в тупую растоптать, или же превратить в издевательский фарс любые попытки учредить в его общественной среде новую, реально продуктивную, бесконфликтную ментальность. За это его постоянно, всё более и более безжалостно наказывали, принуждая разражаться актами массовых самоубийств, называемых в простонародье героическими побоищами. Чего он, собственно, как раз и хотел, к чему он, собственно, всю жизнь и готовился. Ведь, каждое новое поколение социума, как, впрочем, и все предыдущие, жило, вождедея всеобщую беду, которая наконец-то даст возможность умереть на славу. Ну, а если и не умереть, то вначале, то есть, ещё при жизни стать почитаемым, кого-то там бессмысленно и беспощадно поправшим, уничтожившим героем, после чего, насладившись столь сладким бременем, уйти в мир иной, пребывая в состоянии почёта.

И когда эти герои, наконец-то, себя окончательно прикончат?

Так шли столетия и тысячелетия... Неумолимо влекущие, тянущие, волокущие цивилизацию к полному краху. Который внешне всё более явственно был замечен в виде дисбаланса между средствами выращивания жизни, коих было до ужаса, ничтожно мало, и средствами её разрушения. Нарастающая в этом плане разность потенциалов становилась всё более критичной, указывающей на неотвратимый коллапс. Вследствие чего, жители соседних миров всё более тщательней и всерьёз продумывали планы будущего обустройства гибнущей планеты, которая вот-вот, неминуемо должна была стать опустошенной, практически ни кем незаселённой строительной площадкой.